

Два иностранных свидетельства XVI в. о славянах, русских, о церковнославянском и русском языке

Ценные факты о языковой ситуации в русских (восточнославянских) землях в XVI в., содержащиеся в латинском трактате 1517 г. польского историка Матвея из Мехова (Матвея Меховского) [1], уже были предметом нашего рассмотрения [2]. Однако в предшествующей работе они были изложены и анализированы лишь частично, что позволяет нам снова вернуться к этой теме. К тому же, аналогичный материал в латинских сочинениях итальянца Антонио Поссевино [3], иезуита, папского посланника, дипломата и знатока Руси и Польши, еще не подвергался специальному анализу. Поэтому есть основание попытаться также выделить этот материал из общей суммы исторических и этнографических свидетельств, содержащихся в трудах ученого иезуита, и взглянуть на него под историко-лингвистическим и этнонимическим углом зрения.

Иностранные славянские и неславянские хронисты имели достаточно четкое представление об историко-культурном, этническом и языковом единстве славянских народов задолго до XVI в. В XVI в., в эпоху польского "сарматизма" и далматского "иллиризма" эти представления стали еще более яркими и полными. Матвей Меховский в своем "Трактате" в завершающей части раздела о вацдалах, аланах писал об автохтонности славян, расселенных в разных землях: "надо заметить, в-четвертых, что поляки, богемы, свевы и все славянские племена от потопа до нашего времени остаются на своих местах, в коренных своих владениях, а не прибыли откуда-нибудь из иных мест, как сообщает польская хроника и хроника богемская". В итоге он свидетельствовал: "заметим, в-пятых, что славянская речь весьма распространена и широко употребляется во множестве стран и областей. Сюда принадлежат: сербы, мизии, расции или булгары и боснийцы (*Serui, Misii, Rascii seu Bulgari et Bosnenses*), ныне покоренные турками. Точно также — далматы, кроаты, паннонцы, славя, карны, богемы, моравы, силезийцы, поляки Великой и Малой Польши, мазовиты, померанцы, кашубы, сербы, рутены, московиты (*Dalmatae, Croatae, Pannonii, Slaui, Carni, Bohemi, Moravi, Slesitae, Poloni Maiores et Minores*,

Comerani, Cassubitae, Sarbi, Ruteni, Moskouitae). Все это — славя и ванделики (Slavi et Vindelici) и занимают они обширные области. Теперь, впрочем, уже и литовцы говорят по-славянски. Сюда же относятся нугарды, плесковиты и огульки (Nugardi, Pleskovienses et Ohulci): смотри их хроники и космографии". (Мех. Т.С, 78-79, 158).

Кратко комментируя приведенный отрывок, поясним, во-первых, что в русском тексте мы сохранили перевод либо транслитерацию С.А.Аннинского, издавшего в 1936 г. по-русски и по-латини "Трактат о двух Сармациях" Матвея Меховского, во-вторых, что Матвей Меховский дал достаточно точное и не слишком дробное деление южных, западных и восточных (именно в такой последовательности) славян на народы или этнические группы (большие и малые). Сербы у польского хрониста разделены на сербов и расшив. Этноним "расция" происходит от названия древней и на Балканах (с VI в.) исконной сербской земли Рашки (Rascia), располагавшейся в пределах нынешней Черногории и части соседних земель. Но "рацами" венгры называли сербов еще и в недавнем прошлом, и под ними могли подразумеваться и сербы, мигрировавшие в земли венгерской короны, т.е. в Венгрию и Хорватию, однако союз *seu* (или) указывает на то, что Матвей Меховский расциями называет боснийцев, а мизиями — болгар. В таком случае к южным славянам он причисляет болгар, сербов, боснийцев, хорватов и славов (вероятно, словенцев), присовокупляя к ним далматинцев — теперешних хорватов и других славянских жителей Далмации, паннонцев — тех же теперешних хорватов и, возможно, сербов, живущих севернее течения р. Сава и Дуная [4], и выделяя в среде словенцев карнов (Carni — краинцы), т.е. жителей Верхней и Нижней Краины — центральной зоны современной Словении. Поляки, как и следовало ожидать от польского хрониста, также описаны подробно. На польской этнической территории выделены четыре крупные группы — силезцы, мазовшане, поляки Великопольши и Малопольши, упомянуты примыкающие к ним кашубы и поморяне. Не забыты также и лужицкие сербы (Sarbi).

Что же касается восточных славян, то они в общем перечне славянских племен и народов даны под двумя именами: "руте-

нов" – русских и "москвитов" – жителей Московии. Для XVI в. такое противопоставление очень типично. Рутены – это западные русские (малороссы) – украинцы и белорусы, а москвиты – русские Московского царства. После пояснения, что все перечисленные народы – "славы и венделики" (*slavi et vindelici*) [5], и замечания, что "уже и литовцы говорят по-славянски", называются "пугарды, плесковиты и огульки", т.е. новгородцы, псковичи и вогулы [6]. Выделение новгородцев и псковичей любопытно в свете того интереса к их диалектам, который возник в русистике в последнее время; однако надо полагать, их упоминанию в "Трактате о двух Сармациях" способствовала энергичная торговая и политическая деятельность этих западновеликорусских этнических групп в большей мере, чем их языковые особенности [7].

Матвею Меховскому, как нам уже приходилось отмечать, принадлежит свидетельство, что "в русских церквах при богослужении читают и поют на сербском, то есть славянском языке" [8] и что "я в Новгороде, Пскове, Полоцке и затем к югу за Киев живут все русские, говорят по-русски или по-славянски, держатся греческого обряда и подчиняются патриарху Константинопольскому" (Мех. ТДС, 98, 109, 175, 185–186) [9]. Речь идет, таким образом, о единстве русского языка на всей восточнославянской этнической территории и о единстве русского языка в Московской Руси. Это подтверждается другими заявлениями Матвея Меховского в том же его "Трактате". Он писал: "Московия – страна весьма обширная в длину и ширину... и речь там повсюду русская или славянская" и повторял это, обращаясь к читателю в завершающем его книгу трактате о Московии: "Знай..., что в Московии одна речь и один язык, именно русский или славянский, во всех сатрапиях и княжествах" (Мех. ТДС, II6, 192).

Таким образом, Матвей Меховский различал "сербский", т.е. церковнославянский язык, принятый в церквах, и русский, "или славянский", распространенный в Московии (*in Moskovia*, т.е. на Руси Великой) и в России (*in rutenia*, т.е. Руси Малой и Белой).

Другой хронист и наблюдатель современной ему русской жизни, папский посланик Антонио Поссевино в своем трактате

"Московия", созданном в 1582-1583 годах, постоянно пишет о двух Россиях, находящихся под влиянием московского царя или короля польского. Так, завершая рассуждение о том, "на что нужно обратить внимание при снаряжении посольства от Апостольского Престола... в Московию", Поссевино заявляет: "Таким образом светоч веры будет передан лучшим, и тот, кто искренне жаждет славы Христовой, внесет католическую религию в обе России, и ту, что у польского короля, и ту, что у московского князя" (Посс. ИСР, 68). Это положение находим и в других местах трактата: "Таким путем это ("Диплом" Флорентийского собора 1439 г. - Н.Т.) с Божьей помощью сможет дойти до той части России, которая принадлежит польскому королю, и до той, что принадлежит великому князю московскому" (Посс. ИСР, 22), или: "Если бы мы... продолжали дело упорно и постоянно, и позаботились, чтобы Россия, которая принадлежит Польскому королевству, впитала католическую веру..., мы имели бы уже как бы очень крепкое орудие, которое смогло бы применяться для покорения московской схизмы. Однако мы выпустили из рук эту часть России" (Посс. ИСР, 35), или: "Некоторые русские князья... с распуостертими объятями примут благость Святого Престола. Когда мы ехали через королевскую Русь в Московию, некоторые знатные люди, оставшие от своей схизмы, доверительно говорили с нами", или: "Киев - область Руси под властью польского короля" (Посс. ИСР, 39). Поссевино известны понятия и термины "Белая Русь" и "Червоная Русь", но терминов "Малая" и "Великая Русь" он не употреблял. Так, он писал: "Когда я был в Белой Руси, мне рассказывали, что в той местности, которая зовется Червоной Русью и которая, так же как и Белая, подчинена польскому королю, в Дорогобуже есть колодец с соленой водой" (Посс. ИСР, 30).

В своих сочинениях "Московия", "Московское посольство" и "Ливония" (написаны в 1582-1583 гг.) посол Римского первосвященника не дал обзора славянских стран и народов, перечисления славянских народов, что объясняется, видимо, жанром его сочинений, написанных искусно и умело, с литературным блеском, но являющихся своеобразным отчетом о своих действиях в Московском государстве и инструкцией для будущих посольств в далекую от Италии и центральной Европы и могучую страну. Поссеви-

но использовал в своей работе множество источников и сочинения своих предшественников [10], но в то же время старался не повторяться, не писать об известном, и потому его труды живы и оригинальны, потому, видимо, в его трудах нет специального раздела о языках и народах славянских. Тем не менее он касается этого вопроса, и мы снова предлагаем подборку цитат, посвященных этой теме.

Обращаясь к проблеме церковного языка, Поссевино пишет: "Что касается богослужения и исполнения церковных обрядов, то все это делается на славянском, или скорее, на русском языке, а он почти таков, как язык, принятый у русских подданных польского короля. Все книги они сами переписывают, но не печатают, исключая то, что печатается на станке для самого князя в городке, который называется Александровской слободой, где у государя есть типография" (Посс. ИСР, 27). Несколько далее он пишет о мнении своего предшественника-итальянского путешественника в Московию: "А то, что написал в своих "Записках о Московии" Джовио, именно, что среди этого народа распространены сочинения четырех ученых латинской церкви и других отцов церкви, переведенные на русский язык (он думал, что последний сходен со славянским), этого еще не удалось пока узнать, хотя я тщательно об этом расспрашивал. ... О них, по-видимому, не слышали даже те из великокняжеского двора, которые обычно составляют окружение государя" (Посс. ИСР, 27). В сочинении "Московское посольство", возникшем из донесения Поссевино генералу Иезуитского ордена и записок его спутника Джовани Паоло Кампани, сообщается, что "в Московии нет ни одной гимназии, в которой юношество обучалось бы свободным наукам, также нет и ученых богословов, которые просвещали бы народ проповедями. У московитов чрезвычайно ученым считается тот, кто знает славянские буквы. ... У них есть много греческих и латинских сочинений Отцов церкви в переводе на русский язык: сочинения папы Григория, причисленного к святым, Василия Великого, Хризостома, Дамаскина и других, гомилии которых в наиболее торжественные праздники читаются народу с амвона" (Посс. ИСР, 209).

Приведенные отрывки из книги "Московия" и "Московское посольство" свидетельствуют, что Антонио Поссевино, так же

ик и ранее в 1517 г. Матвей Меховекий и позже в 1696 г. Ген-
их Вильгельм Лудольф [11], осознавал различие между русским
разговорным языком XVI в. и языком письменным, книжным и бого-
гужбынным — церковнославянским, ощущая при этом их близость
... "это делается на славянском, или скорее, на русском язы-
е"). Некоторые различия между церковнославянским языком за-
паднорусского образца и образца московского замечали и рус-
ские книжники XVII века [12], но ученый иезуит прав, утверждая,
что московский славянский язык "почти таков, как язык, приня-
тый у русских подданных польского короля".

Что касается образованности в Московской Руси, тесно свя-
занной с книжным языком, то она казалась Поссевино невысокой
относительно всего потому, что была построена на иных, чем в Запад-
ной Европе, началах [13], в суть которых римский иезуит глу-
боко не вникал. Поссевино, однако, наблюдал довольно внима-
тельно разговорный язык, который в нескольких случаях был им
назван "языком москвитов" или "московитским языком" (см.
примечание 14), а в других случаях просто "русским".

Антонио Поссевино интересовался также проблемами книжного
славянского языка, его разновидностями и различием славянских
языков вообще, что видно из следующего. Ватиканского монаха
интересовал тот факт, что булла или "Диплом" о единении, состав-
ленный папой Евгением IV в пору Флорентийского собора 1439 го-
да и переведенный на греческий, а потом "славянский язык",
ставалась недоступной и непонятной русскому, "московитскому"
читателю. По этому поводу он писал: "Ведь переводчик этого
Диплома" на славянский язык не знал особенностей русского
языка, но составил какую-то смесь из боснийского и хорватско-
го языков. Это заметили те, кого я привез с собой из русских
земель, находившихся под властью польского короля, и из Ав-
стрии [14]. Они же позаботились, чтобы и самый "Диплом" и Символ
веры, изданный Пием IV, были переведены на современный рус-
ский язык" (Поссе. ИСР, 28). Следует, однако, предположить,
что этот "современный язык" был все же не разговорным, а
книжным.

Наконец, папский посланец хорошо понимал устойчивость бо-
гозданного "славянского" языка на Руси и сообщал по этому
поводу: "Важно, по-видимому, и то обстоятельство, что было

бы очень трудно заставить их (москвитов. — Н.Т.) отказаться от богослужения на славянском языке и заменить его богослужением на латинском или добиться разрешения для нас вести его на греческом языке. Если бы это и удалось через некоторое время, нужно было бы тщательно изучить, правильно ли переведено то, что читается у них из Ветхого Завета или Евангелия. Эта вещь, может быть, никогда не делалась даже и самими греками, да и не легко это сделать, так как я не знаю никого, кто понимал бы язык москвитов с особенностями его фраз наряду с твердым знанием греческого и латинского языков и вместе с тем имел бы прочную основу в теологии" (Посс. ИСР, 33). Поссевино вновь смешивает проблемы книжного языка и разговорной речи ("кто понимал бы язык москвитов"), хотя в этом случае может подразумеваться и книжный, сакральный язык жителей Московской Руси — Москвитин. Интересно отметить, что ученый иезуит своими суждениями предвосхищал программу и деятельность сторонников Никоновской реформы и говорил о необходимости правки богослужебных текстов.

В связи с названием русского и славянского языка представляет интерес и название православной веры, употребляемое просвещенным иезуитом и папским посланником. Чаще всего православие называется "схизмой", а православные "схизматиками". ("... значительная трудность, которая удерживает москвитов в схизме, заключается в том, что мощи некоторых схизматиков прославлены тем, что они остаются нетленными..."), но нередко православие называется "русской верой" и противопоставляется "католической вере" как вере "истинной". Поссевино пишет, что "великий князь московский" Иван IV "после покорения большей части Ливонии изгнал оттуда всех католиков до единого силой оружия, насадил повсюду русскую веру и строжайшим образом утвердил ее" (Посс. ИСР, 32), или "... москвит... расширил пределы своих владений и самым ревностным образом насадил в Ливонии русскую схизму" (Посс. ИСР, 220), или о том, что он говорил с боярами "о католической и русской религии" (Посс. ИСР, 84). Разрабатывая планы приближения всех русских к католицизму и как бы предвещая обращение в унию части западно-русских православных верующих, Поссевино отмечает, что "Московия по традиции чрезвычайно зависит в делах религии

от Руси (т.е. так называемых "Западно-русских земель" или земель украинских и белорусских - Н.Т.), находящейся под властью польского народа (совсем недавно московские епископы утверждались киевским митрополитом русской веры...). Поэтому будет очень важно для обращения Московии, если епископы или владыки королевской Руси присоединятся к католической церкви" (Посс. ИСР, 39). Иногда Поссевино ведет речь о "русских обычаях" и "русских догматах", когда дело опять-таки касается православия. Он сообщает, что "храмы, в которых москвиты в Дерпте и Ревеле исполняли церковные обряды по русскому обычаю, были разрушены лютеранами (однако это нечестивое дело было приписано католикам)" (Посс. ИСР, 42), или, перечисляя трудности введения в Московии католической религии, предупреждает, что в Московской Руси "очень жестоко наказывают того, кто осмеливается сказать что-нибудь против русских религиозных обрядов и догматов" (Посс. ИСР, 31). Свою веру Поссевино называет католической и опровержению православия, опровержению, в основном, чисто внешнему и довольно безапелляционному, он уделит много места в своих сочинениях. "Обо всем этом, - поясняет ватиканский посланец, - можно будет узнать как из моей первой книги о Московии, так и из того сочинения о расхождении между католической верой и русской схизмой, которое я передал московскому князю по его просьбе" (Посс. ИСР, 70). Естественно, что Поссевино одновременно является непримиримым противником "лютеранской ереси". Именно под влиянием лютеранства, по мнению ученого иезуита, "у московского князя (царя Ивана Грозного - Н.Т.) создалось представление, что все католики (которых он зовет римлянами) впали в ересь и поэтому их легко будет покорить" (Посс. ИСР, 62). Добавим к этому, что по свидетельству того же Поссевино, Иван Грозный употреблял для католической религии и термин "латинская". Он говорил: "Близок день суда, когда Господь решит, наша или латинская вера основывается на истине" (Посс. ИСР, 77). Впрочем, этот термин не чужд и самому Поссевино, сообщаящему, что "кроме тех чудотворцев, которых почитает латинская церковь, москвиты имеют мучеников, епископов и монахов, которые, как они хвастаются, вознеслись на небеса" (Посс. ИСР, 209).

Таким образом, мы узнаем, что русские во времена Ивана Грозного называли католическую веру римской или латинской [15], а католиков — римлянами, сам же Антонио Поссевино в разговоре с грозным московским Государем называл православие и "греческой" верой [16]. Он сказал царю: "Чтобы мне не причинять Тебе досады всем этим, пусть Твоя Светлость прочтет то, что я по твоему поручению писал о расхождении между католической и греческой верой" (Посс. ИСР, 86). Наконец, молитвы, которые читались в русских церквях, Антонио именует, так же как и веру, "русскими молитвами", а не славянскими ("священники, одетые в священную одежду (если ее можно назвать священной), образовали посредине храма как бы венок и, по своему обычаю, читали русские молитвы" (Посс. ИСР, 85). Однако надписи на иконах в России-Московии он называет славянскими: "... лики святых они пишут с исключительной скромностью и строгостью, гнушаясь тех икон, которые лишены славянской надписи..." (Посс. ИСР, 211) [17].

Таким образом, свидетельства Антонио Поссевино и других иностранцев, писавших о России XVI века, подтверждают сделанные нами ранее на другом материале выводы об известной синонимичности терминов словенский и русский, с одной стороны, и о их противопоставленности в некоторых случаях по признакам 'книжный' — 'разговорный', с другой стороны. Такое положение на Московской и Западной Руси XVI века отмечали не только иностранные, но и древнерусские книжники, воспринимавшие словенский язык как язык не только русских, но и южнославянских книжников и указывавшие иногда на его южнославянское происхождение [18]. Изучение славянских лингвонимов не может не соприкасаться с исследованием этнонимов и терминов, означающих вероисповедание, прежде всего православное и католическое, с разработкой вопросов самосознания отдельных этнических образований и групп. Все это тесно связано с проблемами возникновения и взаимодействия конкретных литературных языков, культурных ареалов и конфессиональных институтов. В этом нас убеждает и материал, почерпнутый из сочинений Антонио Поссевино, Матвея Меховского и их современников.

Примечания

1. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. Далее в сокращениях: Мех. ТДС.
2. Толстой Н.И. Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI-XVII вв.) // Вопросы русского языкознания. Вып. I. М., 1976, с. 189-190. То же в кн.: Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988, с. II5-II6.
3. Поссединс А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. Далее в сокращении: Посс. ИСР.
4. В другом месте, говоря о раннем расселении славян (библейской эпохи!), Матвей Меховский утверждает: "Вскоре после греков славяне завладели землями к западу: Сервией, Расцией, Далмацией, Мизией, Булгарией, Босной, Кроацией, Паннонией и Славонией (*slavi itaque... terras possederunt Serviam, Rasciam, Dalmaciam, Misiam, Bulgariam, Bosnam, Croaciam, Pannoniam et Slavoniam*)". (Мех. ТДС, 73, 152). Здесь указывается Славония - область севернее течения реки Сава. Не исключено, что этноним "славян" (*slavi*) связан и с этой территорией, хотя он одновременно относится и ко всем славянам вообще (*ni omnes slavi... sunt*), как это наблюдается и в нашу эпоху (Мех. ТДС, 78, 158).
5. Этноним *vindelicis* остается неясным. Этимологически его трудно связать с венецианцами.
6. "Огульками" (*Onulci*) называются вогулы - восточно-финское племя, известное сейчас под именем манси.
7. Четыре десятилетия спустя после появления книги Матвея Меховского о двух Сарматиях появились "Записки о Московии" Сигизмунда Герберштейна, в которых посол императора Священной римской империи германского народа описывает Московскую Русь, а в связи с ней в одном пассаже весь славянский мир. Герберштейн пишет: "Славянский язык, ныне искаженно именуемый склавонским (*sclavonica*), распространен весьма широко: на нем говорят далматинцы (*Dalmatae, Dalmatinae*), босняки (*Bosnenses, Bosner*), хорваты (*Chroati, Chrabaten*), истрийцы (*Istria, Isterreich*) и далее вдоль Адриатического моря до Фриуля карны (*Carni, Carster*), которых венецианцы называют карсами

(Charsi), а также жители Крайны (Carniolani, Crainer), каринтийцы (Carinthii, Khartner), до самой реки Дравы (Dravus, Traa), затем штирийцы (Stirii, Stoyrer) ниже Граца (Gratz) вдоль Мура (Muer) до Дуная, мизийцы (Mysii, Mussy), сербы (Servii), болгары (Bulgarii), и другие, живущие до самого Константинополя; кроме них чехи (Bohemii, Behem), лужичане (Lusacii, Lausitzer), силезцы (Silesii, Schlesier), моравы (Moravi, Märher) и обитатели берегов Вага (Vagus, Waag) в Венгерском королевстве, а еще поляки и русские, властвующие над обширными территориями, и черкесы-пятигорцы (Circasi-Quinquemontani, Circassen in fünf Bergen) у Понта и, наконец, остатки вандалов (Vandali, Wenden), живущие кое-где на севере Германии за Эльбой. Все они причисляют себя к славянам, хотя немцы, пользуясь именем одних только вандалов, называют всех говорящих по-славянски одинаково венцами (Wenen), виндами (Windi) или виндскими (народами) (Windsche)". Этому довольно пространному пасусу предшествует такое утверждение: "... Но каково бы ни было происхождение имени "Руссия", народ этот, говорящий на славянском языке, исповедует веру Христову по греческому обряду, называющий себя на родном своем языке russi , а по-латыни именуемый Ruteni , столь умножился, что либо изгнал живущие среди него иные племена, либо заставил их жить на его лад, так что все они называются теперь единым и тем же именем "русские". См. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988, с. 58.

Сигизмунд Герберштейн происходил из словенских земель, хорошо знал словенский язык, и это обстоятельство, наряду с другими, повлияло на то, что он стал во главе императорского посольства, направленного в Москву. Нетрудно заметить, что в приведенном описании Герберштейн подробно характеризует этническую ситуацию северозападной части южнославянской этнической территории, различая истрийцев - жителей Истрии и далматинцев - жителей Далмации, упоминая при этом хорватов и боснийцев. Словенцы у Герберштейна перечислены полно: краинцы, или карнополаны, т.е. жители Крайны (современные "горенцы" и "доленцы"),

карны, карсы или венецианские словенцы (современные резьянцы, торцы, "крашцы" и др.), штирийцы, т.е. жители Штирии и помурцы (современные жители словенских Гориц по р. Муре и "грекмурцы"), наконец, каринтийцы (корошцы), известные у Нестора летописца еще в XII в. под именем "хорутане". Этот этноним часто распространялся на всех словенцев, и им пользовался и И.И.Срезневский в XIX в. Известно и распространение названия "краинский" на весь словенский язык и даже Этнос. Немцы иногда называли словенцев, лужицан и других славян вендами, и потому и Матвей Меховский, и Сигизмунд Герберштейн пишут о вендах "или вандалах", ошибочно считая эти этнонимы однокоренными или синонимичными.

Характерно, что первая грамматика словенского языка Адама Богорича, вышедшая в Виттенберге в 1584 году, называлась *Arcticae horulae succisivae, de latino-carniolana literatura, ad latinae linguae analogiam accommodata, unde Moshoviticae, Rutenicae, Polonicae, Boëmicae et Lusaticae linguae, cum Dalmatica et Croatica cognatio, facile deprehenditur, praemittuntur his omnibus, tabellae aliquot, Cyrillicam et Glagoliticam, et in his Rutenicam et Moshoviticam Orthographiam continentis, Adami Bohorizh. Witebergae anno M.D. LXXXIII.* Здесь среди близких словенскому - "карниоланскому, или крайнекому языку", называемому так по центральной области Словении - Краине, перечисляются: московитский (*Moshovitica*), русский (*Rutenica*), польский, чешский (*Boëmica*), лужицкий (*Lusatica*), далматинский и хорватский. К тому же в том же заглавии и в книге, в таблицах Богорич различает письмо кириллическое (*Cyrillica*) и глаголическое (*Glagolitica*). Кириллическое, по свидетельству словенского грамматика, распространено в Турецкой империи у янычар, у всех боснийцев (*Bosnenses*), у русских (*Ruteni*) и московитов (*Moschovitae*), а глаголическое - у хорватов (*Croati*). Кириллическое изложено в двух таблицах - в общей и в "рутено-московитской", глаголическое - в третьей таблице, а "латино-карниоланское", т.е. словенское письмо дано в отдельной четвертой таблице. Латинохорватское, или латино=богемское (чешское), латино=польское или латино=лужицкое "письмо" (таблицы) не приводятся. В параллельных текстах молитвы "Отче наш" даются, однако, латин-

скими буквами шесть вариантов: "кириллический" (церковно-славянский южнославянского образца), хорватский, польский чешский, лужицкий, словенский (*Carniolana*). Любопытно, что Адам Богорич различает "языки" и этносы и даже "орфографии" - московский ("московитский") и русский ("рутенский"), в то время как Герберштейн этого не делает, причисляя к славянам (русским?) лишь пятигорских черкесов. Точно так же он различает "далматский" и хорватский языки, но не упоминает сербского и болгарского, называет лужицкий, чешский и польский, но не выделяет наречий моравского и силезского, как это делает его земляк Герберштейн. У Богорича нет упоминаний о словенских диалектах и интересующих нас русских наречиях. Его взгляд - взгляд с крайнего запада славянского юго-запада. Ему важно подчеркнуть единство славян и их языка, и потому на титульном листе грамматики помимо латинского заглавия дано изречение "Всяки языкъ спознати хоше Бога" кириллическими и глаголическими буквами, по-словенски латиницей *Vsaki jezik bode voga sprosnal*, что означает 'Всяк язык (народ) спознает Бога'. В предисловии к грамматике (стр. *5, на самом деле девятая) Адам Богорич пишет о том, что Священное Писание (*sacra biblia*) существует на германском, испанском, французском (*Gallica*), итальянском, "вагарском" (*vagarsca*?), чешском (*Boemica*), польском (*Polonica*), русском (*Rutenica*) и московском (*Moschovitica*) языках. Словенцам (*Carniolanis*) же Новый Завет на их язык перевел Примож Трубар (*primus truberus*). Перевод Библии на словенский язык был сделан словенцем Юрием Далматином и вышел в свет тоже в 1584 г.

8. В статье "Старицине представления..." (см. сноску 2) нами пояснялось, что на Руси в XVI-XVII вв. под термином "сербский" понималось не только 'сербский', но и 'южнославянский' 'южнославянского происхождения' применительно к языку и этносу, притом преимущественно к книжному языку. Высказывание Матвея Меховского, что "в русских церквах при богослужении читают и поют на сербском, то есть славянском языке" (*In ecclesiis Rutenorum lingua Serviorum que est Slavonica, divina celestis*

- rant, legunt et cantat - Мех. ТДС, 175) Б.А.Успенский ошибочно отнес в своей книге в раздел "Языковая ситуация Московской Руси", а не в раздел "Языковая ситуация Юго-Западной (Литовской) Руси", что было бы правильней, хотя, конечно, в рассматриваемом нами плане положение было одинаковым в двух близкородственных культурных ареалах (См. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). мюнхен, 1987, с. 244). При определении места вышеприведенной цитаты следовало обратить внимание на указание Матвея Меховского: In ecclesiis rutenorum (с. 175), а не Moskovitarum. Кроме того, контекст в целом показывает, что речь идет о такой ситуации, которая была возможна на Западной Руси, а не на Руси Московской: "В русских церквях при богослужении читают и поют на сербском, то есть славянском языке; в армянских церквях - на армянском языке; в иудейских синагогах молятся на еврейском языке. Христиане же римского обряда поют, молятся и читают на латинском языке" (Мех. ТДС, 98).
9. При оценке всей литературно-языковой и исторической ситуации в "двух Сармациях", т.е. в Восточной Европе, следует учитывать, что Брестская уния осуществилась лишь в конце XVII в., в 1596 г., а установление патриаршества в России было при царе Федоре Ивановиче в 1589 г. До этого православная Западная и Восточная (Московская) Русь были под эгидой, в последние два века почти номинальной, патриарха Константинопольского. Культурно-языковые и религиозные процессы, институты и отношения, описываемые Матвеем Меховским и Антонио Поссевино, относятся ко времени до упомянутых событий.
10. Поссевино знал труды Герберштейна, Гваньини, Кобенцеля, Джовио, Кампензе, пользовался донесениями послов, выписками из архивов и другими источниками. Самый значительный труд - "Записки о московитских делах" Сигизмунда Герберштейна впервые вышел в свет по-латыни в Вене в 1549 году. Уже в следующем 1550 году появился итальянский перевод книги, изданный в Венеции, затем следовали латинские издания 1551 и 1556 гг. (в Базеле), немецкое в Вене 1557 г. и многие другие.

11. Имеется в виду известное свидетельство Генриха Лудольфа конца XVII в., что на Руси говорится: "разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски" (*apud illos dicitur, loquendum est Russicae et scribendum est Slavonicae*). См. Henrici Wilhelmi Ludolfi. Grammatica Russica. Oxonii. A.D.MDCXCVI, Oxford, 1959, с. А₂.
12. Достаточно указать на прение Лаврентия Визания с игуменом Ильею и справщиком Григорием в Книжной палате 18 февраля 1627 г. См. Летописи русской литературы и древности, кн. 4. М., 1859, с. 86. См. также: Успенский Б.А. История русского литературного языка, с. 281-286. Толстой Н.И. История и структура..., с. 116-118. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М., 1938, с. 17-30.
13. О высоком уровне древнерусского образования можно судить хотя бы по работе: Соболевский А.И. Образованность Московской Руси XV-XVII веков // Отчет СПб Университета за 1891 год. СПб., 1892.
14. Антонио Поссевино в его поездке в Московию сопровождали иезуит Паоло Кампани (Павел Кампанский), схоластик Андрей Модестин, богемец, т.е. чех, по происхождению, коадьютор миланец Микель Мориеис и хорват священник, уроженец Загреба Дреноцкий. Поссевино называет Дреноцкого славянином и пишет, что он говорил "по-славянски" (вероятно, на кайкавском наречии хорватско-сербского языка - Н.Т.) и русские его не понимали: "Они не знают славянского языка, хотя он настолько близок к польскому и русскому, что тот священник, славянин по национальности, которого я послал в Москву, уже очень скоро стал понимать из московитского языка, хотя, напротив, московиты, с большим трудом, по-видимому, понимали по-славянски" (Посс. ИСР, 27). См. также комментарий Л.Н.Годовиковой (Посс. ИСР, 235). Во времена Поссевино и позже некоторые хорватские наречия назывались "словинскими" и их носители "словинским народом". Ясно, что здесь речь идет о разговорном, а не книжном или церковном языке.
15. В "Московском посольстве" сообщается, что московиты "к латинской церкви относятся с гораздо большей неприязнью,

чем к греческой. Среди них не услышишь поношения Бога или святых, однако слова "латинская вера" — у них самое сильное проклятие для врагов. Правдоподобно, что это и многое другое москвиты сначала получили от греков, а затем пренебрежение и невежество в церковных делах, как это бывает, принесли еще больше ошибок" (Посс. ИСР, 209).

3. В XVIII в. православие в России официально называлось также "грекороссийской" верой: "Лифляндец Крестьян Иванов оставя лютеранский закон, принял наш грекороссийский." Ж. Анненк. 778. Бракосочетавающихся лица Грекороссийского исповедания ПЭС, XXI, 996. Защитительнице Святыя Православныя Грекороссийския церкви. Бров. Речи 23. См.: Словарь русского языка XVIII века, вып. 5. Л., 1989, с. 228.
7. В разделе "Какие письма и подарки нужно посылать Великому Первосвященнику для Московского князя" во второй книге "Московия" Антонио Поссевино пишет: "Следовательно будут одобрены и охотно приняты: вещи такого же рода, некоторые большие сосуды из серебра с отделкой золотом..., также шелковые ткани, затканые золотом со своеобразным большим искусством, святые иконы, украшенные драгоценными камнями и жемчугом (на которых не должно быть изображения обнаженного тела), с надписью, сделанной греческими буквами, чтобы было ясно, что изображает эта икона, и написанные по греческому образцу" (Посс. ИСР, 73). Не исключена возможность, что в данном случае и кириллические буквы Антонио называет "греческими" или "написанными по греческому образцу".
1. Толстой Н.И. Старинные представления..., с. 197–199; Кузнецов П.С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958, с. II.